

НЕПРИМИРИМОСТЬ К ЗЛУ

Заранее приношу свои глубокие извинения за это письмо, и моя единственная просьба к вам — не надо мне отвечать в «бумеранге», на шестнадцатой странице газеты. А если письмо того не стоит, — не отвечайте совсем. Мне просто хочется поспорить с Д. Стариковым. Уже само начало его статьи — разоблачение обстоятельств «в том общем эмоциональном ощущении, какое охватывает многих его («Белого парохода») читателей» — говорит о том, что Вл. Солоухин как раз прав, приводя слова поэта о «смертельном бое» между поэзией и прозой.

Вл. Солоухин утверждает — мечта, красота, поэзия... А Д. Стариков в ответ — «повествование, от начала и до конца организованное как «чистый» эксперимент...»

«Красота, живущая в душе человека, облагораживает его, делает лучше, чище, добрее, достойнее», — пишет Солоухин. А Стариков — «...любая наша попытка осознать бытие и себя в нем не может не иметь... свой... исторический смысл». Да кто же спорит с неоспоримой истиной — бытие определяет сознание? Но ведь перед нами — художественное произведение, мир поэзии!..

Вл. Солоухин не случайно цитирует другого поэта: «Сказки пишут для храбрых, зачем равнодушному сказка?» А прекрасная сказка «Белый пароход» вызвала у Д. Старикова «чуть пощипывающую глаза дымку». Значит, он не испытывает удовлетворения и от «безумства храбрых». И слова: «Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!» — тоже должны звучать для Д. Старикова «оторванно от исторических и социальных корней».

Повесть вызывает во мне уверенность в том, что все, кто прочтет эту чудесную сказку, будут бороться с любым злом и насилием, в какой бы форме они ни предстали...

К. ШТЕЙН,
врач

ОМСК

РЕПЛИКА В СПОРЕ

Только что получила газету, в которой под рубрикой «Литературные споры» ведется обсуждение нового произведения Чингиза Айтматова «Белый пароход». Эту вещь я прочла три месяца назад, и все время находилась под ее впечатлением.

Знакомясь по мере чтения с дедом Момуном, его внуком, с Орозкулом и его озлобленной женой, с вечно шипящей бабкой, в какой-то миг я тоже готова была воскликнуть что-то вроде: «Человек за бортом!» Страстно желая, чтобы к мальчику пришел «белый пароход», — а он так и не пришел, — я все-таки не решаюсь упрекнуть автора за трагический финал. Книжки с такой силой карающие зло, которое еще существует и которое мы обходим часто стороной, тоже очень нужны.

С уважением
И. Ф. ЗЕМЛЯКОВА,
пенсионерка
СТАВРОПОЛЬ

«БЕЛЫЙ ПАРОХОД»: МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

В предыдущих номерах «ЛГ» (№№ 27, 28) были опубликованы статьи Вл. Солоухина «Сказки пишут для храбрых», Д. Старикова «Не сказкой единой» и А. Алимжанова «Трагедия на лесном кордоне», посвященные новой повести Чингиза Айтматова.

ва. Статьи вызвали отклики читателей, часть из которых мы сегодня печатаем.

ЖЕСТОКОСЕРДИЕ ИЛИ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ?

Статья Д. Старикова «Не сказкой единой...» предостерегает излишне впечатлительного читателя: надо, дескать, как следует разбираться «в том общем эмоциональном ощущении, какое охватывает многих... читателей и каким делится с нами здесь Вл. Солоухин».

И критик заполняет «пробелы» повести вопросами, «какими сам автор задаваться не стал», сетует на то, что писатель «явно уклонился» от пристального рассмотрения жизни шоферов и табунщиков «в ее реальных противоречиях», не знакомит нас с одноклассниками мальчика, которые, появившись на страницах книги, наверняка подросли бы в конце повести медаль за спасение утопающих. Там, где слышится могучая элегия, критик фиксирует диссонанс, ловит погребальный звон и обвиняет писателя в жестокосердии...

Да, мне ближе читательская позиция Вл. Солоухина, который обнаруживает в «Белом пароходе» «водораздел между поэзией и прозой, красотой и бесцветностью, богатством и скудостью, полнотой и пустотой».

Расстановка сил в конфликте повести классически проста — добро и зло. Но, как правильно подметили критики, нет между ними видимой борьбы, нет предчувствия неизбежной победы добра. Отсюда и вытекают рассуждения Вл. Солоухина о «непротивленческой философии жизненного поведения» старика Момуна, а также сомнение Д. Старикова в правоте автора, избравшего «высшую меру» художественного воздействия.

Смерть ребенка... «Смысл рассказываемого чрезвычайного происшествия», — пишет Д. Стариков, — несводим к мысли о безжалостной и жуткой слепоте случая, за-

ключен не в нем самом». Разумеется, несводим. Писатель стремится не к тому, чтобы потрясти нас смертью мальчика, а к тому, чтобы — всей атмосферой повести — предупредить: что будет, если мы, взрослые, не будем защищать детей от таких темных сторон жизни, какие воплотил в себе одуревший от злобы Орозкул.

Уделяя большую долю внимания своеобразию положительных образов, историческим корням, влиянию сказки, критики как бы не замечают отношения самого автора к изображаемым событиям и героям. Скромное молчание или краткие, «дежурные» характеристики приходится в рецензиях на долю «душевной сущности» Орозкула. Один лишь безответный и всем угрожающий дед Момун, не записываясь в критики, говорит о нем: «Негодяй». И в устах старика и в той обстановке это очень дорогая оценка, стоящая, право, нескольких критических абзацев.

Нет, не сказка, а Орозкул виноват в гибели мальчика. Мальчик живет рядом со злом, и Орозкул — этот быкоподобный человек, бьющий смертным боем тетку Бекей, ругающийся самыми грязными словами, — его дядя. Орозкул главный начальник, платит жалованье деду, и на нем не висит табличка со скрещенными костями, не написано, что контакт с ним смертелен. И если это озверевшее тупое чудовище — человек, то лучше быть рыбой. Жизнь нераздел прошел через сердце мальчика.

Конечно, будь он постарше, живи в другом месте, — все было бы иначе. Но наш мальчик настоящую жизнь видел только в бинокль. Она была далека, как белый пароход на синем Иссык-Куле. Бинокль — это как несостоявшееся будущее, путь к которому загорелся Орозкул. И Чингиз Айтматов смело показывает, что будет, если не дать злу бой, если оставить детство беззащитным. Он не делает нам снисхождения, не щадит нас, а всю меру ответственности пере-

носит на плечи и сердце читателя, предлагая ему, а не только шоферу Кулубеку, наказать подлость. И тут я подхожу еще к одной причине, побудившей меня написать это письмо.

Есть у меня (по роду журналистской деятельности) специальная папка с детскими письмами, и среди них немало горьких, тревожных. Вот несколько строк из этих писем.

«...Он взял ремень и начал меня бить. Я вырвался и убежал на улицу. На улице я весь замерз и стал думать: хорошо, у кого отцов нет... Витя».

«...Я бы убежала в интернат, если бы знала дорогу. Валья».

«Я ненавижу его, он мне хуже чужого. Сколько помню, он ни одной книги не прочитал... Света».

«Он» — это отец в глазах собственных детей. И это будничная хроника тех, может быть, немногих семей, в которых «он», напившись до положения риз, теряет человеческий облик, становится зверем. Дети в таких семьях живут, словно на волосок от тока высокого напряжения, в непосредственной близости со смертельной опасностью под названием «родной отец». Что ж, как ни печально, есть и этот негативный, противостественный поворот проблемы «отцов и детей», вернее «отцов против детей», когда совмещается несовместимое. Несовместимое, как отец — и жестокость, как Родина — и предательство. И как перекликаются эти письма с мыслями мальчика из повести! Помните, как в его воображении Кулубек говорит Орозкулу: «А ну, встань, гадина! Ты фашист... Как же вы жили с таким человеком? И не стыдно вам!»

Да, жестокость, бездуховность, пьянство и подлость — это страшно. Об этом велит не забывать «Белый пароход» Чингиза Айтматова.

С. МИХАЙЛОВА,
журналист

МОСКВА

ТЫСЯЧА «ПОЧЕМУ?»

Повесть «Белый пароход» вызвала у меня (кажется, не только у меня?) целую бурю самых различных чувств.

Чингиз Айтматов — один из любимых моих авторов. Каждую новую его вещь жду с нетерпением. Мне кажется, что его повести — хоть и написаны они не столбиком и не в рифму — это поэзия. Поэзия с большой буквы, в самом лучшем, самом высоком смысле этого слова.

Все его произведения — окутаны ли они лирической дымкой грусти, как «Прощай, Гульсары!», или до предела насыщены глубочайшим драматизмом («Материнское поле», например), — оставляли у меня ощущение радости, те чувства, которые называют жизнерадостными. Уж, казалось бы, что может быть тяжелее, безотрадней жизни Толгонай? Но она — мать! В ней начало всех начал, в ней вся мудрость жизни. Она знает, что, как бы ни было велико ее горе, жизнь идет и жизнь прекрасна! И она, мать, живет не для того, чтобы тешить свою боль, — в ней есть силы дарить радость, ласку, мужество и свою извечную материнскую любовь другим...

Этому учила Толгонай меня, и, наверно, не одну меня. Спасибо Айтматову за этот светлый материнский образ!

И вдруг... «Белый пароход» так потряс меня своей безысходностью, что все вокруг стало черным-черно!

Я понимаю, герой «Белого парохода» — мальчик. Мальчик, с первых же строк повести взявший вас рукой за сердце. Служение большому делу у него было впереди. Но ведь было, обязательно было бы — достаточно вспомнить его «войны» с «фашистами», его дружбу со случайно захваченными шоферами, его привязанность к школе!

Так как же мог он остаться совсем один? Слово живет он в другом мире, где, кроме него и деда, нет людей! Где он, этот кордон, в каком тридевяти царстве? Почему случилось так, что нет у него ни школьных друзей, ни школьных дел? Тысячи «почему» рвутся с языка, «нутро» восстает против бессмысленной жестокости случая, потому что перед нами живой росток чудесной человеческой жизни!

Спорить с автором — так или не так он обошелся со своим героем, — вероятно, слишком самонадеянно. И все-таки: неужели — если принять авторское послесловие к повести — только такая «победа» и достается красоте, мечте, правде, радости — с обрыва в реку? Конечно же, нет! Такой ответ подсказывает не только жизнь, а сам Айтматов — все его прежние книги.

А. КЛИМОВА,
инженер

МОСКВА

А ЕСЛИ СООТНЕСТИ С ЖИЗНЬЮ...

Если я скажу, что дождался выступления «Литературной газеты» по поводу повести Чингиза Айтматова «Белый пароход» с нетерпением, то мои слова, возможно, прозвучат выпендренно. Однако же это так. Слишком велико расстояние между прежними произведениями Айтматова («Тополек...», «Материнское поле», «Первый учитель» и др.) и последним его произведением, чтоб сразу освоиться с ним. Спорные взгляды на эту повесть точно отражены в

позициях Вл. Солоухина и Д. Старикова.

Я полностью согласен с Д. Стариковым, что «Белый пароход» уводит читателя за пределы человечности, в том смысле, что нравственные проблемы рассматриваются писателем не в жизненной конкретности, а в умозрительном столкновении добра и зла. Это ведь уж так: какая-нибудь фантастическая ЭВМ, предназначенная для идеального устройства юдоли земной и судеб человеческих, наверное, «храбро», как пишет удивительным стоицизмом Вл. Солоухин, переварила бы эту «отрицатель-

ную информацию». Но — увы! — человеку придан лишний, с точки зрения электронных мыслителей, орган — горячий комочек сердца... Читая повесть, я наивно вопрошал себя: почему дед Момун, или учительница, или еще кто-либо не отдаст мальчика в детский дом? Обескураженный и отчаявшийся, полез в Уголовный кодекс РСФСР, чтоб узнать, какая кара ожидает злодея за провоцирование самоубийства другого человека здесь, на нашей грешной земле, а не в «вечном небе», куда отсылает нас за поправкой справедливостью Айтматов...

Боюсь, некоторым читателям покажется, что я упрощаю, не учитываю художественного своеобразия повести, прилагаю к поэзии критерии вовсе не эстетические. Но разве не соотношением произведения с жизнью начинается (или завершается!) литературная критика?

Я пытался увидеть за происходящим в повести то, что Д. Стариков называет естественной логикой, человеческим и историческим смыслом. И, увы, «Белый пароход» меня не столько радовал, сколько огорчал.

С. САИТОВ

УФА

Мин. газ. 1970, 22 июля № 30